

Сталинградская битва и проблема второго фронта

В.О. Печатнов

На основе малоизвестных документов британских и американских архивов в статье рассматривается влияние событий на советско-германском фронте во второй половине 1942 г. на военно-политические планы западных союзников в отношении открытия второго фронта. Показывается, как в результате разгрома немецких войск под Сталинградом произошёл радикальный поворот англо-американских военно-стратегических и разведывательных оценок соотношения сил на советско-германском фронте и перспектив дальнейшего хода войны.

Проблема второго фронта – одна из наиболее разработанных в отечественной и зарубежной литературе по дипломатической истории Второй мировой войны. Тем не менее и здесь есть некоторые лакуны, образовавшиеся в результате, с одной стороны, недостаточного знакомства российских исследователей с документами англо-американских архивов, а с другой – вследствие невольного замалчивания «неудобных» из них нашими западными коллегами, которые тяготеют к более приукрашенной версии дипломатической борьбы по этому вопросу. Настоящая статья призвана хотя бы отчасти восполнить один из таких пробелов на примере анализа влияния Сталинградской битвы на военно-политические планы союзников.

27 сентября 1942 г., когда ожесточенные бои шли уже на окраинах Сталинграда, в Кремле состоялся обед в честь важного американского гостя – лидера Республиканской партии Уэнделла Уилки. Один из спутников Уилки предложил тост за «безымянного рядового русского солдата, к которому сейчас прикованы глаза всего мира». Сталин добавил, что «русский рядовой солдат решает сейчас судьбу мира»¹. В личной беседе с Уилки он прямо сказал, что немцы «могут взять Сталинград»². Сталин, записав в своем отчете об этой беседе Уилки, «не делал никаких прогнозов

насчет способности России выстоять и со всей определенностью говорил о том, что ни любовь к Родине, ни храбрость солдат сами по себе не могут спасти Отечества, ибо исход сражений определяется числом, умением и техникой»³. Так что же решалось под Сталинградом не только для нашей страны, но и для всего мира? Для ответа на этот вопрос полезно сравнить огромные военные и политические последствия победы под Сталинградом (которые хорошо известны) с вероятными последствиями противоположного исхода великой битвы (о которых, как и о всяком несостоявшемся в истории, практически не говорится).

Здесь мы вступаем в область альтернативной истории. Неизвестно, были ли у советского командования планы на случай поражения под Сталинградом, но у американского командования, привыкшего просчитывать все варианты, такие планы, как показывают документы военных архивов США, были. Еще в конце июня президент Рузвельт и его главный помощник Гарри Гопкинс начали обсуждать вариант поражения СССР в ходе развернувшегося стратегического наступления вермахта. Материалы этого обсуждения не сохранились, но, возможно, именно оно дало толчок проработке этого вопроса военными, которые к началу августа подготовили для Комитета начальников штабов специальное исследование под названием

Печатнов Владимир Олегович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

«Стратегическая политика Объединенных Наций и Соединенных Штатов в случае разгрома России» (КНШ-85).

В нем рассматривался вариант разгрома или «критического ослабления» Красной армии. Под «критическим ослаблением» понимался развал Восточного фронта и высвобождение хотя бы половины сил вермахта на этом фронте. Любой из этих сценариев, делался вывод, приведет к фатальному геополитическому сдвигу в соотношении сил противоборствующих сторон – «падение России станет катастрофой», которая поставит США в «отчаянное положение». Континентальная Европа будет полностью потеряна для союзников, поскольку ликвидация советско-германского фронта исключит возможность открытия там второго фронта. Единственное, на что тогда могут надеяться союзники – это удержание Британских островов, но и там ожидалось резкое усиление прогерманских настроений в правящих кругах страны, падение кабинета Черчилля и возможное заключение сепаратного мира с Германией. Подчинив себе природные и экономические ресурсы СССР, последняя станет практически непобедимой в прямом военном противоборстве.

Крах СССР, прогнозировалось в КНШ-85, отзовется по всему миру:

- движение Сопротивления сойдет на нет;
- Британская империя развалится (за исключением Канады, Австралии и Новой Зеландии);
- в Латинской Америке и на Ближнем Востоке поднимутся прогерманские настроения;
- соединение германских и японских армий на Ближнем Востоке (главный кошмар англо-американских планировщиков) отрежет союзников от нефтяных ресурсов региона;
- США окажутся запертыми в Западном полушарии и перейдут к глухой обороне.

В свете столь мрачных перспектив в докладе даже рассматривалась возможность заключения сепаратного мира с Германией или с обеими ведущими странами «оси». Однако такой вариант был отвергнут, поскольку в таком случае «Соединенные Штаты утратили бы свое положение ведущей державы и в дальнейшем оказались бы перед странами «оси» без союзников». Столь радикальная геополитическая изоляция США, подчеркивалось в докладе, окажет пагубное психологическое воздействие на американское общество. Поэтому для противодействия изоляционистским и пораженческим настроениям Объединенный комитет по психологической войне предлагал заранее подготовить комплекс мер, с тем чтобы «смягчить воздействие подобных испытаний на американскую общественность и подготовить ее к возможности такого поворота в ходе войны»⁴. Думается, что такой сценарий геополитических последствий развала советско-германского фронта был вполне реалистичен, тем более, что американские планировщики не были склонны вообще преувеличивать значение советско-германского фронта и роль СССР в войне. Доклад

был одобрен на заседании КНШ 8 сентября 1942 г. Но так как его члены комитета констатировали, что «крах России еще не представляется неминуемым», было решено положить его на полку, сохранив в тайне даже от ближайших союзников – англичан⁵.

У тех, впрочем, были свои, несколько более оптимистичные прогнозы развития ситуации на советско-германском фронте, но и они не исключали вероятности поражения Красной армии. «Мы считаем, что решительный успех одной из сторон вряд ли будет достигнут к августу, – говорилось в июньском докладе Объединенного комитета по разведке при Комитете начальников штабов (КНШ) под названием «Возможное развитие русской кампании и его последствия», – однако между августом и октябрем события могут достичь своей кульминации. Обе стороны понесут огромные потери... Германское Верховное главнокомандование к тому времени может оказаться перед выбором: ввести в бой свои последние резервы – даже ценой опасного оголения оккупированных стран в надежде добиться полного разгрома России до наступления зимы, или сохранить свои резервы для отражения растущей англо-американской угрозы на Западе. Грань между успехом и провалом может оказаться очень тонкой, и даже незначительные факторы могут определить, какой из двух противников рухнет первым». Руководство КНШ в целом согласилось с этой оценкой, но отметило ее «слишком радужный для России характер»⁶.

Возникает законный вопрос: почему при таких предельно высоких ставках судьбы советско-германского фронта летом–осенью 1942 г. западные союзники не предприняли более активных усилий, чтобы помочь предотвратить возможную катастрофу? Ведь и в упомянутом докладе британской разведки признавалось, что одним из факторов исхода летнего наступления вермахта будет то, «в какой степени немцам придется отвлекать силы (с восточного фронта. – В.П.) для отражения угрозы англо-американского наступления на Западе»⁷.

В мае Рузвельт и Черчилль на переговорах с Молотовым, как известно, пообещали (хотя и с оговорками со стороны Черчилля) открыть второй фронт в Европе (операция «Раундап»). Однако в июле на англо-американском совещании в Лондоне англичане решительно настаивали на отказе от этого плана и даже от операции «Кувалда» – высадки 6-10 дивизий на севере Франции осенью 1942 г. с целью отвлекать хотя бы часть сил вермахта с Восточного фронта. В полемике с англичанами и в отчете для Рузвельта делегация США продолжала отстаивать свою позицию. «Россия – важнейший на данном этапе фактор войны, и поэтому наши расчеты должны строиться в зависимости от исхода нынешней кампании в России, – говорилось в этом отчете. – Поражение русских армий заставит провести полный пересмотр союзной стратегии. Оно практически ликвидирует всякую возможность разгрома Германии в прямом столкновении и отбросит союзников к перманентной обороне по всей Европе».

■ История

В случае стабилизации советско-германского фронта операция «Кувалда», считали американские военные, получит хорошие шансы на успех – удержание плацдарма в Нормандии до большого вторжения в 1943 г. и отвлечение дополнительных германских сил с Восточного фронта. В случае же непосредственной угрозы поражения Красной армии риск принесения в жертву нескольких дивизий будет все равно оправданным по сравнению с гораздо большим риском. «На нас ляжет вина за огромный военный просчет, – предупреждали они президента, – если мы позволим Германии ликвидировать восьмимиллионную союзную армию в то время, когда удары с нашей стороны могли бы спасти ситуацию»⁸. Но верх взяла британская позиция, к которой присоединился и Рузвельт. Вместо «Кувалды» на осень того же года планировалась высадка союзников в Северной Африке – операция «Гимнаст» (переименованная в «Факел»). Командование США в своих внутренних оценках считало эту операцию чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу». Отмечалось, что даже в случае успеха эта операция «вероятно, не приведет к переброске с русского фронта ни единого немецкого солдата, танка или самолета»⁹.

Черчилль, который успокаивал Рузвельта тем, что «Факел» – это и «есть настоящий второй фронт в 1942 г.»¹⁰, в своем кругу тоже признавал, что эта операция никак не может заменить обещанного второго фронта: «Факел» – это только 13 дивизий, тогда как мы готовились двинуть против врага в 1943 г. 48 дивизий, – писал он руководству Генштаба 18 ноября 1942 г. – Мы дали понять Сталину, что в 1943 г. будет большое вторжение на континент, а теперь планируем использовать на 35 дивизий меньше, чем предполагали в апреле–июле, или немногим больше одной четверти. Нет смысла закрывать на это глаза или воображать, что эта разница не будет замечена»¹¹.

«Факел» не только не оказывал немедленной помощи Красной армии, но и создавал для нее дополнительные проблемы, хотя успех союзников в Северной Африке напрямую зависел от продолжения советского сопротивления. Из-за потребностей «Факела» были сокращены поставки в СССР по ленд-лизу. В июле к этому добавилось решение Лондона отменить 18-й северный конвой из-за больших потерь, понесенных предыдущим конвоем (печально известным PQ17). В сентябре, со следующего, 19-го каравана, без согласования с советской стороной была снята крупная партия истребителей «Аэрокобра», предназначенных для Сталинградского фронта, но затребованных американским командованием для нужд «Факела». Это вызвало понятное возмущение в Кремле с учетом отчаянной нужды именно в таких машинах.

20 сентября в телеграмме советскому послу в Лондоне И.М. Майскому Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об «Аэрокобрах» я считаю верхом

наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то, что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»¹². Черчилль задним числом объяснил Сталину происхождение этого решения, но, судя по всему, тот так и не поверил в непричастность англичан. В Москве эти решения союзников были восприняты как двойной отказ – от снабжения СССР военными материалами по северному пути и от организации второго фронта в 1942 г. «Таким образом, – суммировал в телеграмме в НКВД смысл происходящего Майский, – в самый критический для нас момент мы оказались, по существу, брошенными на произвол судьбы нашими союзниками». Посол называл две основные причины бездействия союзников: «желание видеть взаимное истощение Германии и СССР» и «страх англо-американской верхушки перед военной мощью Германии»¹³.

Майский рекомендовал Сталину «крепко поставить перед Черчиллем вопрос о конвоях и втором фронте, подчеркнув, что наш народ не понимает пассивности Англии в такой грозный для нас час и что если второго фронта в 1942 г. не будет, то война может быть проиграна, или, как минимум, СССР настолько ослабеет, что в дальнейшем не сможет принимать особо активного участия в борьбе». Иными словами, Майский предлагал встряхнуть союзников предостережением о тех же двух вариантах «падения России», о которых шла речь в КНШ-85. Рекомендация посла была принята, хотя ответное послание Сталина, по мнению Майского, оказалось «несколько мягче, чем я предлагал»¹⁴, поскольку хозяин Кремля не стал угрожать союзникам своим поражением.

В послании говорилось: «... я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. ... Что касается вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 г.»¹⁵.

Текст этого послания Сталина был передан для сведения и послу СССР в США М.М. Литвинову в Вашингтон. В ответной телеграмме Молотову посол рекомендовал довести это послание и до Рузвельта для острастки обоих союзников: «Мне кажется, что без намека на угрозу не раскатать Черчилля и военщину. Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в

авиации, не смогут начать наступательные действия. Мы должны быть ослаблены настолько, чтобы не говорить слишком громко при заключении мира. Я поэтому в качестве следующего шага прямо пригрозил бы последствиями нынешней англо-американской стратегии и возложил бы на них ответственность за эти последствия»¹⁶.

Что и говорить, ветеран советской дипломатии хорошо ухватил главный смысл стратегии союзников, для которой действительно было важно не столько местоположение советско-германского фронта, сколько само его существование. Еще в июле 1941 г. Черчилль писал своему военно-морскому командованию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжать войну, по крайней мере, до наступления зимы, неисчислимы. ... Покуда они сражаются, не так уж важно, где проходит линия фронта»¹⁷.

Рекомендация Литвинова пойти еще дальше по пути угрожающих предупреждений в адрес Лондона и Вашингтона, по сути, вторила совету Майского. Любопытно, что в те же дни похожее предложение сделал и Гопкинс в разговоре с Майским 22 июля. Советский посол описывал это следующим образом: «Гопкинс в порядке «мыслей вслух» стал задавать такой вопрос: «Не следовало ли бы т. Сталину как раз сейчас, во время лондонских совещаний, отправить Рузвельту строго личное послание, характеризуя опасность создавшегося положения и подчеркивая важность немедленного создания второго фронта». Однако, когда я прямо спросил Гопкинса, надо ли понимать его слова в том смысле, что он считает отправку подобного послания желательным, Гопкинс развел руками и ответил: «И сам не знаю». Несмотря на всю эту игру, было видно, что Гопкинс считает отправку подобного послания желательным»¹⁸. Вполне возможно, что тем самым Гопкинс с помощью Сталина хотел подтолкнуть своего колеблющегося шефа к более активной поддержке операции «Кувалда». Ведь именно 22 июля англо-американские военные переговоры в Лондоне зашли в тупик из-за отказа англичан от этой операции. Однако Сталин не последовал советам Литвинова и Гопкинса, ограничившись выговором одному Черчиллю, в котором он не без основания видел главного виновника проволочек со вторым фронтом.

Но вернемся к мотивам западных союзников. Причины их пассивности в прямой схватке с вермахтом на том этапе войны в целом весьма очевидны. Сил, достаточных для массированного вторжения на европейский континент в 1942 г., у них еще не было. «Кувалда» вряд ли привела бы к отвлечению существенных немецких сил с Восточного фронта, хотя могла бы создать проблемы для вермахта в более долгосрочном плане. К тому же основная тяжесть этой операции падала на англичан, которые были категорически против такого самопожертвования и следовали своей стратегии изматывания противника путем бомбардировок и ударов по слабым местам, прежде всего – пресловутому «мягкому подбрюшью» стран «оси» в Средиземноморье.

Основы этой стратегии Великобритании были заложены еще в июле 1941 г. В докладе КНШ «Общая стратегия» говорилось: «Германская армия настолько сильна, что даже, если русские смогут удержать Восточный фронт, она будет в состоянии встретить нас на западе такими силами, которые при нынешнем состоянии немецкой боеготовности и морального духа мы не сможем одолеть. Сначала мы должны разрушить основания, на которых держится эта военная машина – снабжающую ее экономику, поддерживающий ее моральный дух, поставки, которые ее питают, и надежды на победу, которые ее вдохновляют. Только после этого мы сможем вернуться на континент, оккупировать и взять под контроль территорию противника и навязать ему свою волю»¹⁹. В дальнейшем британское командование во главе с Черчиллем неуклонно следовало этой стратегии.

Рузвельт стремился избежать англо-американского раскола по вопросам «большой стратегии» и не мог не считаться с позицией англичан. Однако в этих вопросах он позволял Черчиллю «вести себя на буксире» (по выражению Литвинова)²⁰ еще и потому, что и сам стремился избежать больших потерь, связанных со вторым фронтом. Такие потери в наземных операциях без гарантии их полного успеха были чреваты большими внутривнутриполитическими осложнениями и грозили подорвать ту сравнительно щадящую модель военной мобилизации, которая лежала в основе подхода администрации к ведению войны. Согласно планам военного производства («Программа победы»), скорректированным в начале 1942 г., уже в том году Америка должна была произвести 45 тыс. самолетов, 45 тыс. танков и 20 тыс. зенитных орудий.

Только после этого планировалось массированное вступление США в боевые действия на главном – Европейском театре. «В таком случае, – подчеркивалось в «Общей стратегической концепции» армейских планировщиков, – не потребуются нарушать экономическую жизнь нашей страны путем резкого вывода рабочей силы из промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т.п. Вместо этого мы сосредоточим главные усилия на создании военно-воздушных, военно-морских и десантных сил, которые не потребуют немедленной мобилизации огромного количества людей»²¹. Вместо 215 дивизий, намеченных американским командованием в «Программе Победы» как необходимого уровня для разгрома Германии, США в итоге обошлись менее чем сотней дивизий.

В тотальной мобилизации не было необходимости, покуда (как писал Рузвельт Черчиллю в 1942 г.) «русские убивают больше немцев и уничтожают больше военной техники, чем мы с вами, вместе взятые»²². Неслучайно, советник посольства СССР в США А.А. Громыко в своем письме в НКВД о позиции Белого дома по второму фронту (август 1942 г.) отмечал, что Рузвельт «не проявляет решительности» в этом вопросе и что «заставить американцев начать вести практическую немедленную подготовку к открытию второго фронта можно было бы,

■ История

пожалуй, только в том случае, если бы англичане заняли решительную линию на открытие второго фронта в ближайшее же время»²³.

Что касается угрозы краха советско-германского фронта осенью 1942 г., то чутье подсказывало и Рузвельту, и Черчиллю, что Советский Союз выстоит. Этот психологический момент несколько недооценивается историками, хотя именно «настрой дня», тогдашнее восприятие текущего момента лидерами во многом определяли характер принимавшихся ими решений. «Я твердо уверен, что Россия продержится эту зиму», – писал президент премьеру в октябре²⁴. Черчилль еще в августе в ходе бесед со Сталиным (как он потом рассказывал Майскому) «не видел и не слышал ни одного слова, ни одного жеста, ни одного даже самого отдаленного намека на то, что Россия может не выдержать и выйти из войны. Железная сила и полная непримиримость к Германии».

Визит в Москву, писал Майский Сталину, еще больше укрепил веру Черчилля в то, что «СССР даже в самом худшем случае как-то «выдюжит», что спина у СССР крепкая»²⁵. Недаром Майский называл это веру «подосновой» всей политики Черчилля. (Такая непримиримость Кремля делал маловероятным еще один кошмарный для союзников сценарий – сепаратный мир между СССР и Германией наподобие Брестского мира 1919 г.). В сентябре Черчилль пришел к выводу, что «кампания Гитлера против России 1942 г. станет для него большим разочарованием»²⁶, а в ноябре поставил под вопрос предположение Генштаба о возможном «выходе России из войны»: «Какие есть основания полагать, что Россия выходит из войны?» сердито заметил он, добавив, что «военные эксперты Великобритании и Соединенных Штатов всегда ошибаются в отношении России»²⁷. Неудивительно, что для западных союзников риск собственных больших потерь представлялся более серьезным, чем пока еще гипотетический крах советско-германского фронта.

В этом понятном эгоизме, усиленном естественным для демократии стремлением к сбережению своего народа, в Москве видели нечто худшее: через призму повышенной идеологической подозрительности он воспринимался как сознательный курс на истощение и ослабление Советского Союза. Даже «западники» Майский и Литвинов, как показано, не были исключением из этого правила. Что уж говорить о Сталине, который в октябре 1942-го телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»²⁸. Майский осмелился не согласиться с вождем, доказывая, что поражение СССР не в интересах Великобритании, хотя объективно оно может стать следствием ее политики. Сталин частично согласился с анализом искушенного дипломата, хотя остался при своем мнении о лицемерии британского лидера: «Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко

дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его... Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»²⁹.

Сталин регулярно информировал союзников о положении под Сталинградом, причем часто делал это самолично, не доверяя своему главному соавтору по переписке Молотову. Так, например, 3 октября он писал Черчиллю об ухудшении ситуации, подчеркивая большое превосходство немцев в боевой технике и особенно в воздухе³⁰. 8 октября Черчилль сообщил Сталину о новой приостановке северных конвоев, на сей раз – до января 1943 г., объясняя это плохой погодой и нуждами операции «Факел». Обо всей серьезности принятия такого решения в тот момент, когда под Сталинградом шли решающие бои, Майский предупреждал Э.Идена еще 27 сентября³¹. Черчилль стремился сгладить эффект от прекращения конвоев рядом иных инициатив, направленных на оказание помощи СССР:

- повторное предложение о размещении англо-американских сил на Кавказе (операция «Вельвет»);

- частичное удовлетворение советской заявки об отправке дополнительных истребителей «Спитфайер»;

- реализации излюбленной идеи Черчилля об операции в Северной Норвегии («Юпитер»).

Однако все эти предложения не соответствовали советским требованиям второго фронта. Когда Литвинов на встрече с президентом Рузвельтом 7 октября напомнил ему об этом несоответствии, ответом было замечание президента, «что всеми будто бы признана невозможность высадки в Европе». «Я спросил, – продолжал в своем отчете Литвинов, – считает ли президент, что высадка вообще невозможна. Он ответил, что она станет возможной, когда будут ослаблены силы противника. Я указал, что в случае затишья на Восточном фронте Гитлер перебросит силы на запад и тогда высадка будет еще менее возможна, чем сейчас. Президент стал неубедительно говорить о том, что они делают то, что практически возможно и что Гитлер почувствует также намеченный удар с фланга»³².

Так же, как и Черчилль, Рузвельт стремился хотя бы отчасти компенсировать проволоочки со вторым фронтом дополнительными поставками военной техники, прежде всего истребителей. В своем послании Сталину от 11 октября президент обещал поставить дополнительно 300 самолетов, которые он с трудом выбил из своих военных. 13 октября Литвинов писал из Вашингтона: «В отношении снабжения у меня создалось впечатление, что президент хотел бы максимально удовлетворить наши требования и тем компенсировать нас за отсутствие второго фронта. Но и здесь он всецело в руках своих генералов и адмиралов, которые все больше и больше предъявляют требования для удовлетворения якобы собственных американских нужд»³³.

В октябре переписка Сталина с союзниками становится редкой и предельно лаконичной. Черчилля особенно обидел сталинский ответ от 13 октября на два его длинных послания от

8 октября: «Ваше послание получил. Благодарю». В Лондоне терялись в поисках объяснения этого загадочного ответа, не видя очевидного – критической ситуации под Сталинградом, не оставлявшей времени на другие дела. Именно в эти дни бои в районе сталинградских заводов разгорелись с невиданной силой, перерастая в рукопашные схватки, не затихавшие ни днем, ни ночью. Анализ сталинского архива показывает, что даже эти лапидарные отписки составлялись наспех, от руки Молотовым и лишь утверждались Сталиным³⁴.

Некоторая стабилизация ситуации под Сталинградом к середине ноября в сочетании с успешным началом операции «Факел» ослабили напряженность в союзных отношениях, усилившуюся в сентябре–октябре 1942 г. Сталин, до этого сомневавшийся в успехе «Факела», приветствовал его обнадеживающее начало. Тон его переписки с Черчиллем заметно потеплел. Премьер-министр со своей стороны также отвечал взаимностью. В черновике послания, датированном 22 ноября, он даже планировал поделиться имевшейся разведывательной информацией о результатах наступления советских войск под Сталинградом, полученной в ходе операции «Меджик», – расшифровки радиосвязи вермахта с помощью перехваченного германского секретного кода. Согласно этим данным, армия Паулюса получила приказ перейти к обороне и укрестить свой западный фланг³⁵. Британский КНШ посоветовал Черчиллю убрать данный параграф как утративший свою актуальность в связи с дальнейшим развитием событий на фронте, а также по причине особой секретности источника этой информации, «который Вы так ревностно оберегаете»³⁶. Послание осталось неотправленным.

Главное, на что оставалось уповать союзникам осенью 1942 г., было то, что советский солдат и Красная армия выдержат страшный натиск германской военной машины. «Масштабное наступление на оккупированную Германией Европу может быть предпринято не ранее 1943 г., – признавалось во внутреннем отчете американской военной делегации по итогам лондонских переговоров с англичанами. – Тем самым Россия останется практически один на один против всей мощи германской нации до тех пор, пока вновь не вмешается зима. В течение этого периода судьба всего остального союзного мира будет зависеть в основном от стойкости и боеспособности русской армии»³⁷.

Американским военным вторили их британские коллеги. «В настоящее время, – говорилось в докладе КНШ «Американо-британская стратегия» от 30 октября, – русская армия является единственной силой, способной разгромить или хотя бы сдержать германскую армию. Великобритания и Америка не могут рассчитывать бросить вызов основным силам «оси» на суше. («Надеюсь, что Сталин не увидит этого», – начертал на полях против этого абзаца премьер-министр³⁸). В случае краха России Великобритания и Америка будут не только неспособны начать новые зарубежные операции,

но и с большим трудом смогут выполнять уже существующие обязательства.

Совершенно очевидно, что именно война в России быстрее всего подтачивает германскую мощь. Иными словами, русская армия является не только главным средством разгрома вермахта на суше, но и главным фактором, способствующим изматыванию Германии. Поэтому крайне важно стимулировать российское сопротивление путем увеличения поставок, военных действий против Германии в воздухе и на море, возможно – путем вовлечения в войну Турции и операций на Кавказе (имелась в виду операция «Вельвет». – В.П.). Наши операции в 1943 году в Европе и на Тихом океане должны проводиться с учетом их вклада в продолжение русского сопротивления».

Что касается масштабной помощи этому сопротивлению, то планы британского командования по-прежнему исходили из стратегии изматывания: «Несмотря на то, что наибольшую помощь России оказало бы крупномасштабное вторжение в Европу, мы вынуждены заключить, что единственным вариантом для нас является подрыв германской военной мощи путем разрушения промышленности и экономики Германии до такого вторжения. Основным средством достижения этой цели, помимо русских сухопутных сил, будут тяжелые бомбардировщики в сочетании с жесткой блокадой и операциями, предназначенными для максимально возможного растяжения сил противника». Соответственно на 1943 г. планировались лишь ограниченные десантные операции в Сардинии и Сицилии, а возможность массированного десанта на севере Франции предусматривалась не ранее 1944 г.³⁹.

К счастью для всего «союзного мира», Красная армия не только устояла, но и перешла в решительное наступление под Сталинградом. Наметившийся перелом в этой гигантской битве сразу же отразился на оценках ситуации военно-политическим руководством союзников. Еще накануне советского контрнаступления Черчилль раскритиковал планы своих военных на 1943 г. как слишком негативные. Оставаясь в рамках стратегии «мягкого подбрюшья», он все же считал, что успешное начало «Факела» (8 ноября 1942 г.) позволит союзникам уже в 1943 г. произвести вторжение на основную территорию Италии или на юг Франции. Одной из основных причин необходимости активизации действий союзников премьер-министр называл русский фактор: «Вряд ли можно предполагать, что русские удовлетворятся нашим лежанием на боку в течение всего 1943 г. в то время, как Гитлер предпримет третью попытку их сокрушить»⁴⁰.

Однако военные стояли на своем, и 29 ноября – через десять дней после начала операции «Уран» – Черчилль высказался еще более категорично в ответ на новый доклад КНШ о будущей стратегии: «Ваш параграф 11 практически означает отказ от решительных усилий по открытию второго фронта в 1943 г. Я убежден, что мы должны планировать наступление на французском побережье в районе Канала или Бискайского залива и что в качестве

■ История

ориентировочного срока следует назначить июль 1943 г. Судя по обстановке на русском фронте, Гитлер вряд ли сможет перебросить значительные силы с востока на запад. К тому же теперь ему приходится следить и за южным флангом Франции. Сражения на русском фронте уже серьезно повлияли на обстановку и могут изменить ее радикально»⁴¹.

Наконец, в специальном меморандуме для военного командования от 2 декабря Черчилль дал развернутую оценку новой ситуации на Восточном фронте и ее последствий для планов союзников. «Последние крайне важные события изменили и продолжают менять исходные данные, на которых строилось наше мышление по обе стороны Атлантики. Русские не были разбиты или ослаблены в кампании 1942 г. Напротив, поражение потерпели Гитлер и германская армия, которая понесла тяжелейшие потери. ... Судьба великого сражения, продолжающегося под Сталинградом, еще не решена окончательно, но вполне вероятно, что русское наступление будет иметь далеко идущие последствия для германской мощи. Если окруженная под Сталинградом шестая немецкая армия будет уничтожена, наступление русских на южном фланге может достичь своей цели – освобождение Ростова-на-Дону. В таком случае положение трех германских армий, остающихся на Северном Кавказе и уже скованных русскими, может серьезно и даже непоправимо ухудшиться, что будет иметь неисчислимы последствия. Наступление русских в центральном секторе и их контратаки по всей линии фронта могут привести к отходу немцев на зимние позиции. Зима принесет ослабленным германским войскам новые огромные тяготы и лишения, несмотря на то, что сейчас они располагают лучшей системой железных дорог, чем прежде. К концу 1942 года мы сможем сделать один вполне определенный вывод – в 1943 году не произойдет никакой существенной переброски германских войск с Восточного на Западный театр военных действий (курсив в тексте. – В.П.). Это будет фактом первостепенного значения»⁴².

Черчилль, как видно, весьма точно предугадал дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте. Действительно, великая победа под Сталинградом создавала благоприятные возможности для активизации военных действий союзников против Германии. Другое дело, как они воспользовались этими возможностями. Завершающий этап Сталинградской битвы совпал с проведением англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.). Решения конференции отражали основные приоритеты стратегии Великобритании:

- упор на дальнейшие операции в Средиземноморье (операция «Хаски» по вторжению на Сицилию);
- наращивание сил на Британских островах для последующей высадки на европейский континент;
- усиление бомбардировок территории Германии;
- приоритетное значение Европейского театра военных действий по сравнению с Тихоокеанским.

Второй фронт в 1943 г. пока еще не отменялся, но, как хорошо понимали военные планировщики обеих стран, продолжение средиземноморской стратегии было вряд ли совместимо с масштабным вторжением на севере Франции. «Крылья «Балеро» (кодовое обозначение накопления сил на Британских островах для вторжения на континент. – В.П.) и «Раундап» уже опалились в пламени «Факела», – резюмировал итоги встречи начальник группы стратегического планирования США генерал А. Ведемейер. – Когда же в Касабланке было решено продолжать средиземноморские операции, я знал, что форсирование Канала в 1943 г. для решающего разгрома Германии ... больше не состоится»⁴³.

В феврале наступление союзников в Северной Африке захлебнулось, что грозило окончательно сорвать открытие второго фронта в 1943 г. «Все это пахнет плохо, – резюмировал в своем дневнике Майский. – Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня–июля. Операции нелегкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, не гладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подброске подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш брит(анское) пра(вительство) будет тянуть, примеряться, откладывать... Что же выйдет из второго фронта?»⁴⁴ Как известно, в 1943 г. из второго фронта действительно ничего не вышло; пришлось отказаться даже от высадки на юге Франции, предлагавшейся Черчиллем в конце 1942 г.

Разгром немцев под Сталинградом был отмечен горячими поздравлениями Рузвельта и Черчилля в адрес Сталина. «Черчилль в полном восторге и даже умилении от Красной армии, – сообщал Майский о своей беседе с премьер-министром 9 февраля после завершения операции «Уран». – Когда он говорит о ней, на глазах у него появляются слезы. Сравнивая Россию прошлой войны и Россию (то есть СССР) нынешней войны, Черчилль говорил: «С учетом всех факторов я считаю, что новая Россия в пять раз сильнее старой». Слегка поддразнивая Черчилля, я с полусмехом просил: «А как вы объясняете это явление?» Черчилль в таком же тоне мне ответил: «Если ваша система даст счастье народу, я за вашу систему. Впрочем, меня мало интересует, что будет после войны... Социализм, коммунизм, катаклизм... Лишь бы гунны были разбиты»⁴⁵.

Однако победа под Сталинградом вызывала на Западе не только умиление. Несмотря на отсутствие Сталина в Касабланке, «растущая советская мощь, воплощенная в Сталинградской победе, – по словам американского историка У. Кимбэлла, – была подобно призраку в подвале – скрытой от глаз, но у всех на уме». После Сталинграда, продолжает он, обозначилась перспектива разгрома основных сил вермахта одной Красной Армией без помощи союзников⁴⁶. Резонанс окончания гигантской

битвы на Волге был настолько оглушительным, что Объединенный комитет по разведке при КНШ дал следующую оценку новой ситуации на советско-германском фронте: «Каковы бы ни были намерения или планы Германии, мы считаем, что настало время признать, что поражение, нанесенное ей в России, возможно, является невосполнимым. Для своей кампании в России она создала самую большую и сложную военную машину из когда-либо существовавших. Эта машина была побита и повреждена до такой степени, что вряд ли может быть восстановлена... Мы считаем, что может возникнуть ситуация (и к ней нам следует быть готовыми), при которой Германия вообще окажется не в состоянии стабилизировать и удерживать линию фронта в России. Если это произойдет, то организованное немецкое сопротивление в России может рухнуть».

Далее в докладе прогнозировались геополитические последствия этого краха:

– Германия будет всеми силами сдерживать «вторжение с востока» и может открыть фронт на западе (вплоть до «приглашения» англо-американских войск) в надежде на сепаратный мир с США и Великобританией;

– европейские сателлиты Германии будут один за другим выходить из войны;

– Румыния и Болгария подпадут под контроль Москвы и т.д.

22 февраля 1943 г. КНШ согласился «в принципе» с основным содержанием доклада, но сделал оговорку о том, что он «возможно, рисует слишком оптимистическую картину. Пока еще преждевременно с уверенностью предсказывать ход дальнейших операций в России»⁴⁷. Действительно, эта оценка оказалась явно завышенной, но характерен сам факт радикального пересмотра прежних установок разведки союзников: всего за какие-то полгода ожидания «разгрома России» уступили место прогнозам краха германской военной машины. Таков был оптический эффект Сталинградской битвы. Вскоре дебаты в западных столицах на тему «выстоит ли Россия» сменялись спорами о том, как может распорядиться Советский Союз плодами своей предстоящей победы. Но это уже совсем иная история.

Pechatnov V.O. The Battle of Stalingrad and the Second Front Problem.

Summary: *Using less-known documents from American and British archives the article examines the impact of developments on Soviet-German front in late 1942 on military-political planning in U.S. and U.K. with a special emphasis on the second front problem. It is demonstrated how deeply the German defeat at Stalingrad affected Anglo-American military and intelligence estimates of situation at Soviet-German front and prospects of the war in general.*

Ключевые слова

Вторая мировая война, Сталинградская битва, советско-германский фронт, второй фронт, Сталин, Рузвельт, Черчилль.

Keywords

World War II, The Battle of Stalingrad, Soviet-German front, Second Front, Stalin, Roosevelt, Churchill.

Примечания

1. From Moscow to MILID, September 27, 1942 // United States Military Intelligence Reports. Vol.2. The Soviet Union, 1941-1944. Ed. by P.Kesaris. Bethesda, 1984-1985.
2. Запись беседы тов. И.В.Сталина с Уилки, 23 сентября 1942 г. // Сталинградская битва и ее геополитическое значение / под общ. ред. С.Е.Нарышкина, акад. А.В.Торкунова. М.: МГИМО Университет. 2013. С.370.
3. W.Willkie. One World. N.Y., 1943, P.36.
4. Strategic Policy of the United Nations and the United States on the Collapse of Russia, August 7, 1942 (JCS-85) // National Archives, College Park, Maryland (далее - NA), Record Group (далее - RG) 165, ABC 384, USSR (6-1-42); Measures in Event of Russian Collapse in 1942. Joint Psychological Warfare Committee, June 1, 1942 // NA, RG 218, Geographic File, 1942-1945, CCS 334 JPWC (3-18-42).
5. JCS 32nd Meeting, September 8, 1942 // NA, RG 165, ABC 384, USSR (6-1-42).
6. The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, J.I.C. (42) 200 (Final), June 1, 1942, P.10; Hollis to Prime Minister, 5 June, 1942 // The National Archives, Kew Garden, Richmond (далее - TNA), The Prime Minister Office Papers (далее - PREM) 3/395/13.
7. The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, P.10.
8. Offensive Operations in 1942-1943. Combined Chiefs of Staff Minutes of 28th Meeting, June 20, 1942 // NA, RG 218, Geographical File 1942-1945, CCS 334(5-26-42); Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
9. Memorandum for the President (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381(9-25-41), Sec.VII; Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // Ibid.
10. Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1-3. Edited by W.Kimball (далее - Churchill & Roosevelt), Princeton, 1984, Vol.I. P.520.
11. General Ismay, for C.O.S.Committee, 8.11.42. // Churchill Archive, Cambridge University (далее - CHAR), 20/67.

■ История

12. Сталин – Майскому, 20 сентября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1983. Т.1. С.286.
 13. Майский - НКВД, 16 июля 1942 г. // Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), Т.ХХV. Кн.2. Тула, 2010. С.58-59.
 14. И.М.Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934-1943, Кн.2, ч. 2: 22 июня 1941—1943 г. Сост. Ю.А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2009. С.165.
 15. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (далее – Переписка). М., 1957. Т.1. С.54.
 16. Литвинов – Молотову, 23 июля 1942 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф.059, оп.1, п.368, д.2568, л.110.
 17. Gilbert M. The Churchill War Papers. Vol.III. The Ever-Widening War 1941. London, 2000, P.921.
 18. Майский – НКВД, 22 июля 1942 г. // ДВП. Т.ХХV. Кн.2. С.75.
 19. General Strategy. Review by the British Chiefs of Staff. July 31, 1941 // Library of Congress, H.Arnold Papers, Military Subjects, Box 202; см. также: А.Данчев. Стратегия не прямых действий // Союзники в войне. 1941-1945. Отв. ред. А.О.Чубарьян, У.Кимбэлл, Д.Рейнольдс. М., 1995.
 20. АВП РФ, ф.06, оп.5, п.28, д.327, л.7.
 21. Broad Strategic Concept for Allied Nations (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381 (9-25-41), Sec.VII.
 22. Churchill & Roosevelt, Vol.I. P.441.
 23. Громыко - НКВД, 14 августа 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1984.Т.1. С.229-230.
 24. Churchill & Roosevelt, Vol.I. P.643.
 25. Майский – Сталину, 23 октября 1942 г. // ДВП. Т.ХХV. Кн.2. С. 298.
 26. Churchill to Wavell, 7th October, 1942 // CHAR 20/81.
 27. Notes by the Prime Minister on C.O.S. (42) 345 (0) (Final) // TNA, PREM 3/499/6.
 28. Сталин – Майскому, 19 октября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. С.294.
 29. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004. С. 378.
 30. Переписка. Т.1. С.68.
 31. Eden to Kerr, 28th September, 1942 // TNA, Foreign Office 954/3A.
 32. АВП РФ, ф.059, оп.1, п.369, д.2509, л. 39.
 33. Литвинов – НКВД, 13 октября 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. С. 252-253.
 34. Российский государственный архив социально-политической истории, ф.558, оп.11, д.257, л.93.
 35. Prime Minister to Premier Stalin, 22nd November, 1942 // TNA, PREM 3/393/7.
 36. CIGS for Prime Minister, 23rd November, 1942 // Ibid.
 37. Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
 38. "American-British Strategy", 30 October, 1942 // TNA, PREM 3/499/6.
 39. Ibidem.
 40. General Ismay for C.O.S. Committee, 9.11.42 // Ibid.
 41. General Ismay for C.O.S. Committee, 29.11. 42 // Ibid.
 42. Note by the Minister of Defence, December 2, 1942 //TNA, PREM 3/499/7.
 43. Wedemeyer A. Wedemeyer Reports! N. Y., 1958. P.192.
 44. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934-1943, Кн.2, ч. 2. С.227-228.
 45. Майский в НКВД, 9 февраля 1943 г. // АВП РФ, 059а, оп.7, п.13, д.6, л.222, 224. Впервые опубликовано в: «Новые документы из Архива МИД России» // Международная жизнь, 2001. № 8. С.68-70.
 46. Kimball W. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and the Second World War. Chicago, P.190.
 47. The German Military Situation. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee, February 15, 1943; The German Military Situation. Report by the Chiefs of Staff, February 22, 1943//TNA, CAB 66/34.
-